

Образы птиц в системе архетипов художественного
сознания монголов

А. И. Тугутов*

Сравнительное изучение памятников археологии, материальной культуры и повествовательных текстов имеет много достоинств.

Первые выступают как иконографический материал, обладающий, в том числе, исторической ценностью, поскольку естественнонаучными методами и путем художественно-стилистического анализа можно определить, например, их возраст и тем самым привести в исследуемое явление хронологический отчет. Наглядность образов петроглифов дает возможность реконструировать некоторые стороны религиозно-художественного, мифологического мышления древних людей, их обрядово-ритуальной культуры.

В истолковании семантики древних рисунков могут помочь более поздние нарративные источники со сходными образами или мотивами, привнося через свои сюжеты и характеристики персонажей смысловые подробности, о которых «умалчивают» немые наскальные изображения.

Ярким примером плодотворности комплексного анализа является монография А.П. Окладникова и В.Д. Запорожской «Петроглифы Забайкалья» в двух частях [2; 3]. Автором текста является академик А.П. Окладников, иллюстративно-документальная работа выполнена В.Д. Запорожской. В работе использованы археологические материалы, включенные в научный оборот усилиями нескольких поколений исследователей Сибири, в том числе, учеными Новосибирска и Улан-Удэ и, в первую очередь, самим А.П. Окладниковым, его учениками и коллегами [2, с. 3 — 7].

А.П. Окладников показывает длительное существование некоторых культурных феноменов. В частности, им отмечаются отдельные сходные мотивы в сюжетах писаниц бронзового века и средневековья, а также в материалах по мифологии, фольклору и этнографии сибирских

*Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН.

народов, зафиксированных разными исследователями в XVIII—XIX вв. и в начале XX в., в течение периода около трех с половиной тысяч лет. Мы хотели бы продолжить этот анализ на материале «Сокровенного сказания монголов» (1240 г.) — «Монголын нууц товчоо» (далее «МНТ»).

Сначала обратимся к образам писаниц. Сюжеты с изображением птиц занимают там достаточно заметное место. В частности, в селенгинской группе писаниц на них приходится почти четверть (23,7 %) от всех наскальных изображений. Численно они уступают лишь антропоморфным образам (52,9 %) [3, с. 136], зато значительно превосходят число изображений животных (1,5 %). Птицы часто связаны с образами человека, помещаясь рядом с ними. Приведем один из примеров такой композиции (скала Хотогой-Хабсагай в Хоринском районе Республики Бурятия): «Слева сверху изображены две птицы в полете [...] Правее изображены еще три птицы [...] Под ними — самая крупная во всей композиции фигура парящей птицы [...] Левее и ниже стоит человек [...] Рядом справа, — одна небольшая антропоморфная фигурка и правее ее — фигура птицы, в два раза больше человечка» [3, с. 25-26].

Иногда стилизованные изображения птиц и людей как бы переходят друг в друга. «Слева — птица с поднятыми вверх крыльями. Затем — половинная антропоморфная фигура [...] Правее снова нарисована птица, антропоморфизированная (или птицевидный человек)» [2 с. 36: описание писаницы на горе Ангир Хоринского района].

Не всегда изображения птиц носят условный характер. Порой можно говорить о реалистическом отображении. Это позволяет авторам «Петроглифов Забайкалья» классифицировать эти изображения: «Первый вывод ясен сам по себе: изображались хищные птицы, такие, как орлы, соколы и ястребы» [3, с. 68, 72]. Однако это не означает, что наскальное творчество посвящалось лишь зарисовкам с натуры. Крылатые образы входят как элемент «в композиции различной сложности [...] фигуры птиц находятся в композициях над другими изображениями, как и положено представителям воздушной стихии — неба» [3, с. 72].

Анализ одних только петроглифов малопродуктивен. Смысл их не очень понятен современному мышлению: «Это искусство иератическое, основанное на немногих застывших ритуальных формулах и условных знаках-сигналах, сквозь которое лишь изредко и с трудом [...] пробиваются отзвуки реальной жизни» [3, с. 91].

А.П. Окладников приходит к выводу о многозначности образа хищных птиц в народной культуре, где орел воспринимается как «божественная птица первого ранга, священная и неприкосновенная», связанная с культом солнца и верховного божества, владыки неба, как культурный герой, тотем, предок, покровитель или спутник шаманов и т.д. [3, с. 117-122].

Образ орла присутствует в фольклорных текстах, обрядах, шаманском одеянии, предметах культа и даже в таком виде одежды, как шерстяные чулки у ольхонских бурят. «Этот очень древний орнаментальный мотив, по-видимому, связан с культом орла, который у ольхонских бурят-шаманистов с глубокой древности считался «священной» птицей и пользовался особым почитанием». Орнамент так и назывался «йэхэ-шубуун», т. е. «орел» [6, с. 150]. Ольхон воспринимался как центр культа священной птицы: ольхонский «царь-орел [...]

командует над всеми орлами ...» [1, с. 81]. Культ орла существовал и у других бурятских племен. Хоринцы называли его «царственная птица, нойон-предок» [4, с. 187].

В «Сокровенном сказании монголов» в качестве тотема выступает другая хищная птица – белый сокол, олицетворяющий родового покровителя Чингис-хана.

“Сват Есугэй, в эту ночь мне приснился сон. Подлетает ко мне белый сокол, зажав в когтях солнце и луну, и садится на мою руку. [...] Это ваш хищник родовой дух является, извещая о вас!” [9; 10, §63] - в этом фрагменте подчеркивается многозначность образа хищных птиц: как воплощения идей культа предков и солярного культа, как знак обусловленность власти Небесным покровительством и как предзнаменование в практике прорицания у средневековых монголов.

В сюжете «МНТ» о Бодончар-мунхаге заметное место занимает ястреб. Обделенный братьями, оставшись без наследства, Бодончар в одиночестве охотится за дичью с помощью прирученного ястреба. Люди из поселившегося по соседству с ним племени просят у него ястреба, но он не уступает их просьбе [9; 10, § 24-28]. Впоследствии Бодончар со своими братьями властвует над этим племенем.

Мифологический «подтекст» сюжета охоты предка Чингис-хана с этой хищной птицей подтверждается «Юань-ши», официальной хроникой династии монгольских императоров Юань, составленной в 1368-1369 гг., т.е. спустя век после «». Здесь мотив ловчих птиц получает весьма драматичное развитие. С учетом того, что составители «Юань-ши» не имели доступа к «МНТ» [7, с. 417], можно предположить достаточно широкое бытование сюжета о Бодончаре и прирученных им хищных птиц в общих для «МНТ» и «Юань-ши» источниках устной и письменной традиции.

В «Юань-ши» повествуется о том, как племя чжалаириков (джалаириков) истребляет почти все потомство Бодончара, выживают только его внуки Хайду и Начин. Последний во время погрома находился далеко от дома, у баргутов. При своем расследовании случившегося он встречает двух всадников, охотящихся с помощью сокола, в котором узнает ловчую птицу своего старшего брата. Вернув назад сокола и ястреба, принадлежавших роду, Начин покоряет врагов, а его потомки распространяют свою власть над другими племенами [8, с. 435-436]. Таким образом, именно возвращение ловчих птиц, которые символизируют родовую мощь борджигидов, восстанавливает власть потомков Бодончара. Возможно, не случайно центральную фигуру данного сюжета зовут Начин - сокол.

А.П. Окладников предполагал, что священные птицы средневековых монгольских легенд олицетворяли «само сияющее, живое и благодетельное божество солнца [...], само «Вечное Небо», к которому ежедневно обращались монголы XII—XIV вв., по словам иноземных путешественников, в своих молитвах, как к высшему божеству. И небо в этих представлениях было не абстрактное, не безличное, а живое и конкретное, олицетворенное в образе священной птицы [...] Изображение птицы было не чем иным, как молитвой небу, и одновременно магической формулой, заклятием» [3, с. 123].

Солярный мотив в мифологических образах птиц «МНТ», безусловно, присутствует. Однако он не является ведущим в семантике произведения. Эти образы введены в философский контекст понятия Вечного Неба, как Абсолюта, от воли которого зависит вектор исторического развития. Родовой тотем переносится и на созданную Чингис-ханом империю. Не случайно изображение сокола помещалось на воинских знаменах [5, с. 32], символизируя силу монгольского государства и покровительства, оказываемого ему Небом.

Резюмируя, можно повторить, что образами птиц, как в петроглифах бронзового века, так и в средневековом «МНТ», выражается идея Небесного покровительства человеку и социуму. В писаницах они – гении-хранители скотоводческой общины – рода, племени. Они парят над людьми, оградками, стадами, связывая Землю и Небо. В «МНТ» угадывается связь этих образов с часто повторяющейся там формулой, которой объясняются условия успеха для какого-либо серьезного дела: «Небо и Земля соединили свои силы» [9; 10, §§ 121, 208 и др.]. Эту формулу можно представить как главный «комментарий» «Сокровенного сказания» к петроглифам Забайкалья и Монголии, как средневековый парафраз древних религиозно-мифологических представлений.

Литература:

1. П. П. Баторов. Культ орла у северобайкальских бурят. «Бурятияведение», №№ 3—4, 1927.
2. А.П. Окладников, В.Д. Запорожская. Петроглифы Забайкалья. Часть 1. Л., Наука, 1969.